
Н. П. Генералова
(ИРЛИ РАН)

**Шекспировские страсти
в сельце Меркулове,
или Еще раз о реальных прототипах
«Степного короля Лира»**

В шестой главе «Ранних годов моей жизни» Фет дал выразительный портрет известного в округе «знаменитого мценского силача» Василия Семеновича Протасова, которого ему довелось увидеть в хорошо знакомом доме мценских помещиков Зыбиных. «Легенды о его необычайном росте и силе повторялись со всех сторон», — писал Фет. Некоторые из этих легенд он пересказывает: однажды Протасов шутки ради взвалил на плечи передние ноги своего коня и втащил его на крутую соборную мценскую гору, в другой раз он с легкостью расправился с четырьмя разбойниками, напавшими на него в лесу. Последней истории Фет предпослал портрет «состарившегося Полифема»: «Седые подстриженные волосы торчали копром (копной. — *Н. Г.*) на его громадной голове; белки и веки больших серых глаз были воспалены, вероятно, вследствие излишне выпитых рюмок; громадный шарообразный живот, поддерживаемый толстыми, как у слона, ногами, одет был в поношенный коричневый суконный сюртук, оказывавшийся чрезмерно широким. Поневоле думалось, каков был Василий Семенович, когда сюртук был ему впору. Василий Семенович сидел на старинном

вольтеровском кресле, с трудом в нем уместаясь».¹ В ответ на задиристые замечания присутствующих, намекавших на его немощь, старик предложил одному из них: «Теперь ваша взяла! бороться с тобою я не стану, а ты вот поди да стань у меня между коленками, а я тебя ими придержу; вот ты, силач, и вырывайся руками и ногами, как знаешь, и если вырвешься, то будь твой верх; я уж с тобою меряться силой не стану».² Пришлось обидчику согласиться на предложение и потерпеть позорное поражение.

Личность Василия Семеновича Протасова давно установлена орловскими краеведами, и можно было бы, комментируя этот эпизод, лишь указать, что речь идет о реальном лице, сыне обедневшего дворянина Семена Наумовича Протасова, прапорщике лейб-гвардии Преображенского полка (на 1782 г.), вышедшем в отставку сержантом, владельце деревни Оптушка, а также сел Меркулово и Бастыево Мценского уезда Орловской губернии. Был мценский силач женат на Варваре Ивановне Чертовой, однако потомства не оставил. Родился он около 1766 года, так что ко времени повествования ему было лет 65. Пару лет спустя, в 1833 году, мценский Полифем скончался.

Вернуться к этому эпизоду воспоминаний Фета побуждает одна гипотеза, которая прочно закрепилась в тургеневедении и может время от времени вводить в заблуждение читателей не только Фета, но и И. С. Тургенева, поскольку нашла место в комментариях к повести «Степной король Лир» (1870) на страницах второго академического Полного собрания сочинений и писем Тургенева.

Дело в том, что в подготовительных материалах к повести, а именно в так называемом «формулярном списке лиц нового рассказа», где Тургенев обыкновенно тщательно прописывал биографии и портреты своих героев, прямо назван прототип главного персонажа будущей повести, Мартына Петровича Харлова, и дана его подробная

¹ Фет А. Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 62.

² Там же.

характеристика: «Николай Сем<енович> Протасов — огромный толстый, голова как пивной котел, шеи нет, желто-седые волосы как копыта, лицо красное с белыми чешуйками, нос багровый, шишковатый <...> сила геркулесовская. <...> Ездит он на беговых дрожках <...> Хозяин порядочный, не пьяница, не злой, но совершенный дикарь, своевольный <...>». ³ Поскольку ко времени подготовки 10-го тома сочинений первого академического издания Тургенева, куда вошел «Степной король Лир», еще не было известно о реальном прототипе главного героя, в комментариях, составленных Л. М. Лотман, лишь указывалось на параллели с шекспировским королем Лиром и приводился слух, изложенный в воспоминаниях М. А. Щепкина, брата тургеневского управляющего Н. А. Щепкина. Согласно ему, история Харлова очень напоминала историю хозяина сельца Меркулово (Протасово тож) Степана Ивановича Ярышева. ⁴ В несколько измененном виде и с другими именем и отчеством эта фамилия была названа первым директором музея Тургенева в Орле, с указанием, что Николай Семенович Ярошев (Так! — Н. Г.) был похоронен «во дворе подле церкви» в Спасском. ⁵ Путаница в именах и месте захоронения Н. С. Ярошева на долгие годы отодвинула развязку непростой творческой истории повести Тургенева.

Имя Ярошева возникло совсем не случайно в контексте споров о реальной основе повести Тургенева «Степной король Лир», хотя слухи о том, что он был прототипом Мартына Харлова, оказались ошибочными. Впрочем, тоже не случайно. Николай Семенович Ярошев (р. 1798 г.) был не только полным тезкой «настоящего» короля Лира, владельца усадьбы в сельце Меркулово. Он был его зятем, мужем старшей дочери Анны. Сменивший немало профессий (мелкий канцелярист, стряпчий, судебный заседатель,

³ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. М.; Л., 1965. Т. 10. С. 376–377.

⁴ Там же. С. 494.

⁵ *Португалов М. В.* По тургеневским местам. М., 1924. С. 52.

уездный судья), он, после того как Анна Николаевна «продала» ему доставшуюся от отца «крепостную свою распашную землю»,⁶ стал полноценным помещиком и владельцем усадьбы в сельце Меркулове. В «формулярном списке» муж Анны «безнравственнейший» («из него мог бы выйти убийца») Владимир Васильевич Слёткин обладает мягкими и вкрадчивыми манерами, красив и способен добиваться своего. Недаром ему удается не только жениться на Анне, но и соблазнить ее сестру Евлампию. Он не стряпчий, а «сын бывшего стряпчего, поверенного по делам», служил казачком у матушки, а потом был записан «на службу по магазинам».⁷ Насколько его образ соответствовал реальному Николаю Семеновичу Ярошеву, сказать трудно, однако нет сомнений, что в «шекспировской» трагедии, разыгранной в Меркулове, он сыграл решающую роль. Был ли он действительно похоронен в ограде Преображенской церкви в Спасском-Лутовиново, с точностью утверждать нельзя, однако, по мнению Л. В. Миндыбаевой, это было вполне возможно, поскольку он был, как и все Протасовы, прихожанином этой церкви. Если это действительно так, то остается только удивляться, как судьба посмертно свела в одно место и «степного короля Лира», и его главного врага, и его неблагодарных дочерей.⁸

Впервые версию о том, что Тургенев не ошибся и речь шла именно о Николае Семеновиче Протасове, правда, без ссылок на архивные данные, высказал еще в 1970 году орловский краевед Н. М. Чернов.⁹ Эта версия не была учтена Л. М. Лотман, которая через несколько лет после

⁶ Государственный архив Орловской области (далее сокращенно: ГАОО). Ф. 43. По реестру 49. Ед. хр. 2944. Л. 61–62. Цит. по: *Миндыбаева Л. В.* К творческой истории повести «Степной король Лир» // *Спасский вестник.* 1992. <№ 1>. С. 32.

⁷ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981. Т. 8. С. 409. Далее сокращенно: *Тургенев. ПССиП(2)*, с указанием серии, тома и страницы.

⁸ Ссылаемся на устное суждение Л. В. Миндыбаевой.

⁹ *Чернов Н. М.* Орловские литературные места. Тула, 1970. С. 92–93.

выхода в свет книги Чернова выдвинула предположение, что Тургенев имел в виду не Николая Семеновича, а Василия Семеновича Протасова, описанного Фетом.¹⁰ К сожалению, данная версия закрепились во втором академическом издании Тургенева.¹¹ В комментариях к повести упор делался на переключках с шекспировским «Королем Лиром». О реальных прототипах героев повести говорилось немного. Не вызывала сомнений фигура помещицы Натальи Николаевны, которой Харлов доверял и с которой советовался. По поводу нее в «формулярном списке» было сказано кратко: «Матушка», то есть мать писателя Варвара Петровна. Справедливо было и предположение, что в образе управляющего матушки поляка Квицинского писатель изобразил своего управляющего Н. А. Кишинского. С главными действующими лицами повести дело обстояло хуже, о них практически ничего не было известно, а потому в комментариях были изложены не вполне убедительные версии М. А. Щепкина, И. С. Розенкранца и др.

Что касается прототипа главного героя, то о нем, со ссылкой на «Ранние годы моей жизни» Фета, в комментариях говорится следующее: «Харлов в формулярном списке назван Николаем Сем<еновичем> Протасовым. <...> Представляется, однако, что прототипом Харлова послужил <...> Протасов — „мценский силач“, сосед по имени Шеншиных — родственников Фета».¹² В мемуарах Фета, однако, не говорится о близком соседстве с Василием Протасовым, будущий поэт увидел его, кажется единожды, в доме соседей и друзей своих родителей — Д. А. и А. Н. Зыбиных, а наследственное имение Василия Протасова Оптушка¹³ было довольно далеко от шеншинских Новоселок. Сведений о том, что семья Шеншиных общалась с Протасовыми, пока не обнаружено, так

¹⁰ Лотман А. М. Тургенев и Фет // Тургенев и его современники. Л., 1977. С. 45—46.

¹¹ Тургенев. ПССиП(2). Соч. Т. 8. С. 487.

¹² Там же.

¹³ ГАОО. Ф. 760. Оп. 1. Д. 417. Л. 603—604 об.

что встречу Фета с легендарным силачом можно считать случайной. С Протасовыми общалась мать И. С. Тургенева Варвара Петровна. В особенности с Николаем Семеновичем, родным братом фетовского Василия Семеновича. Оба они совместно владели деревней Оптушка и сельцом Меркулово, где каждому из братьев принадлежало по усадьбе.¹⁴ Тургенев в «Степном короле Лире» красочно описал, что это были за «усадьбы».¹⁵

Следует признать, что гипотеза Л. М. Лотман, отождествившей двух родных братьев, оказалась несостоятельной: именно Николай Семенович, а не бездетный Василий Семенович, был указан в «формулярном списке» и послужил прототипом Мартына Харлова. Как верно заметил Н. М. Чернов, «неудивительно и то, если бы братья отличались сходством».¹⁶ Между тем дальнейшие архивные разыскания орловских краеведов все более убеждали в том, что сюжетная основа повести Тургенева гораздо более связана с местными реалиями, чем было принято думать. Окончательно вопрос разрешился в связи с находками в Государственном архиве Орловской области Н. М. Чернова¹⁷ и в особенности Л. В. Миндыбаевой.¹⁸ Однако если Н. М. Чернов с осторожностью предполагал, что Н. С. Ярошев дал Тургеневу некоторые черты коварного Слёткина в повести «Степной король Лир»,¹⁹ то после разысканий Л. В. Миндыбаевой, обнаружившей в Государственном архиве Орловской области ряд новых документов, о реальной основе повести можно говорить с полной уверенностью.

¹⁴ Там же. См. также: *Чернов Н. М.* Из разысканий о Тургеневе: 10. Протасов, Ярошев и другие // *И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества.* Л., 1990. С. 162–164.

¹⁵ *Тургенев. ПССиП(2).* Соч. Т. 8. С. 487.

¹⁶ *Чернов Н. М.* Из разысканий о Тургеневе: 10. Протасов, Ярошев и другие. С. 164.

¹⁷ Там же. С. 162–164.

¹⁸ *Миндыбаева Л. В.* Указ. соч. С. 32–34.

¹⁹ *Чернов Н. М.* Из разысканий о Тургеневе: 10. Протасов, Ярошев и другие. С. 164.

Приводя запись из журнала Мценского уездного суда за 1835 год, по которой устанавливается не только роковой год, когда буйный степной помещик решил расстаться со всем своим состоянием в пользу двух дочерей, но и факт «продажи» своей части имущества Анной Ярошевой мужу Николаю Семеновичу Ярошеву, исследовательница справедливо заключает: «В этом отрывке указаны „действующие лица“ трагедии, происшедшей в семье степного помещика. Н. С. Протасов имел дочь Анну, которая была замужем за Н. С. Ярошевым. По „ревизской сказке“ 1834 года, А. Н. Ярошева владела в сельце Меркулове 20 душами „мужеска“ и 29 душами „женска“ пола. Рядом с именами дворовых и крестьян есть помета: „Доставшиеся по разделу от родителя моего, мценского помещика надворного советника Николая Семенова сына Протасова в 1831-м году“». ²⁰ Как пишет Л. В. Миндыбаева, Анна в начале 1850-х годов болела и скончалась до 1858 года. Похоже, после ее смерти Н. С. Ярошев оказался почти в том же положении, что и его тесть: по «ревизской сказке» 1858 года за ним числилось всего по 4 души мужского и женского пола. Остальные «души» были закреплены за совершеннолетними и малолетними детьми, которых осталось после смерти матери пятеро. Любопытно, как точен был Тургенев в воспроизведении подлинной истории, случившейся в сельце Меркулове. Если в «формулярном списке» Анна бездетна, то в повести, «следуя самой жизни», Тургенев «изобразил ее как умную помещицу, которая отлично управляет имением, держит в повиновении крестьян, успешно занимается воспитанием детей». ²¹

Удалось орловской исследовательнице отыскать и вторую дочь «степного короля Лира». Ею оказалась Александра Николаевна Протасова, за которой в 1834 году числилось «14 душ „мужеска“ и 16 душ „женска“ пола». После 1834 года ее имя, как установила Л. В. Миндыбаева,

²⁰ Миндыбаева Л. В. Указ. соч. С. 32.

²¹ Там же. С. 33.

надолго исчезло из архивных документов, возникнув лишь в 1861 году в книге Преображенской церкви села Спасского-Лутовинова, где сохранилась запись о том, что «в сельце Меркулове скончалась „девица из дворян Александра Николаева“ и была погребена на приходском кладбище». Вполне правдоподобным выглядит предположение Миндыбаевой о том, что судьба Александры могла напоминать судьбу второй дочери Мартына Харлова Евлампии, «ушедшей после смерти отца отмаливать грехи».²²

Даже в деталях Тургенев был максимально близок к жизненной правде: в повести Харлов после раздачи имущества дочерям оставил себе только казачка Максиму. Реальный Н. С. Протасов, по «ревизской сказке» 1834 года, владел лишь одной душой мужского пола — дворовым человеком Семеном Михайловичем Селезневым, доставшимся ему в 1833 году после смерти брата Василия Протасова. Но и этим единственным слугой степной король Лир владел не единолично, а вместе с одним из родственников.²³

Лето 1831 года, когда разгорелись «шекспировские страсти» в сельце Меркулове, Тургеневы провели в Спасском-Лутовинове.²⁴ Не приходится сомневаться, что там много говорили о событиях в семье ближайших соседей. Восстанавливая историю степного короля Лира почти 40 лет спустя, Тургенев, оторвавшийся от русской жизни, в чем его нередко упрекали недоброжелатели, опасался допустить фактические ошибки и особенно внимательно отнесся к бытовым реалиям, обращаясь к своему управляющему и к друзьям за справками по тому или иному вопросу.²⁵ Дорабатывая повесть в Спасском после чтения в кругу друзей летом 1870 года, писатель признавался, что «с головою» погружается «в волны давно <...> уже

²² Там же.

²³ Там же. С. 34.

²⁴ Чернов Н. М. Спасско-Лутовиновская хроника (1813—1883). 1999. С. 39.

²⁵ См.: Тургенев. ПССиП(2). Соч. Т. 8. С. 477.

покинутой русской жизни».²⁶ Ведь последнее десятилетие Тургенев преимущественно жил за границей, поселившись в Баден-Бадене вместе с семьей Л. и П. Виардо. И все же некоторых ошибок ему избежать не удалось.

Одну из таких ошибок заметил Фет, который писал 25 октября 1870 года их с Тургеневым общему другу И. П. Борисову: «Что касается до „Короля Лира“, то увы! все тут хорошо и верно, только нет соку — поэзии нет. <...> Точно философско-эстетическая критика на „Лира“ Шекспира, дескать, вот это что значит — вы поймите, дураки! <...> А тут он просто рассказал — но не вышло, хотя и здесь он нарядился в *ноги* стропил, щелевку и конек крыши и заставил дьячка раздувать *паникадило*, простое кадило ему в Бадене показалось малым. И как ухитрился дьячок не задувать, а раздувать паникадило?»²⁷ Борисов, слушавший «Лира» в чтении самого автора, хотя

²⁶ Тургенев. ПССиП(2). Письма: В 18 т. М., 1994. Т. 10. С. 204. Письмо к П. В. Анненкову от 15 (27) июня 1870 г.

²⁷ Письма <А. А. Фета> к И. П. Борисову. 1846—1871 / Публ. Г. Д. Аслановой и И. А. Кузьминой // Литературное наследство. М., 2008. Т. 103: А. А. Фет и его литературное окружение / Под ред. Т. Г. Динесман. Кн. 1. С. 148. *Паникадило* («подвешенный светильник о многих свечах» в церкви) Тургенев перепутал с *кадилом*, «церковной курильницей на цепочках, в которую на жар кладется ладан» (Даль). В начале молебна по случаю раздела имущества Мартына Петровича Харлова «еле живой дьячок вышел из кухни, с трудом раздувая ладан в старом медном паникадиле» (Тургенев. ПССиП(2). Соч. Т. 8. С. 185). Использование специальных строительных терминов («*ноги* стропил», «щелевка» (у Тургенева «шалёвки» — Там же. С. 213)) и др. Фет считал тщетным желанием писателя подчеркнуть знание русских реалий («нарядиться»). Справедливости ради следует отметить, что Фет не вполне корректно цитирует текст Тургенева. Так, словосочетания «ноги стропил» в повести нет. Описывая действия разъяренного Харлова, Тургенев пишет: «Он уцепился обеими руками за переднюю пару стропил, за так называемые „ноги“ фронтона, и начал усиленно их раскачивать» (Там же. С. 219). Нет в тексте и «конька крыши». В конце главы XXVII, когда Харлову удается раскачать переднюю пару стропил, которые рухнули на землю, увлекая за собой главного героя, глазам зрителей предстала страшная картина: «Харлов лежал неподвижно на груди, а в спину ему уперся продольный верхний брус крыши, конек, который последовал за упавшим фронтоном» (Там же. С. 220).

и защищал Тургенева, не мог не признать правоту Фета: писатель действительно перепутал кадило с паникадиллом, большой церковной люстрой. «Твой злостный, но справедливый приговор об „Лире“ читал я и хохотал. — Дьячок-то с паникадиллом умора; но зачем ты видишь тут ходули в Шекспиры. Этого, друг мой, нет, и даже тени таких претензий».²⁸ Но дело тут не в паникадилле. Для нас в данном случае важнее то, что из письма Фета и ответного письма Борисова очевидно, что оба они не знали реальной подоплеки повести Тургенева. Как не знал ее, конечно, и Гончаров, обвинивший автора «Степного короля Лира» фактически в плагиате... Шекспира. Забыв о своем первоначально восторженном отзыве, высказанном в письме к С. А. Толстой от 11 ноября 1870 года, Гончаров в печально известной «Необыкновенной истории» (1878) писал: «Он <Тургенев> пробовал портить Шекспира: ну, там, конечно, испортить не мог. Вышли карикатуры, например: „Степной король Лир“. Зачем было трогать великие вещи, чтобы с них лепить из навоза уродливые, до гнусности, фигуры? Можно ли так издеваться над трагической, колоссальною фигурою короля Лира и ставить это великое имя ярлыком над шутовскою фигурою грязного и глупого захолустика, замечательного только тем, что он „чревом сдвигает с места бильярд“, „съедает три горшка каши“ и „издает скверный запах“!!! Можно ли дошутиться до того, чтобы перенести великий урок, данный человечеству в Лире, на эту кучу грязи!!!».²⁹ Тургенев, не будучи воцерковленным человеком, мог перепутать кадило с паникадиллом, но в изображении русских характеров и судеб он не ошибался. Мы же согласимся с современной исследовательницей: «Основываясь на конкретных жизненных наблюдениях, Тургенев пришел к обобщениям огромной

²⁸ ИРЛИ. № 20272. Л. 209—209 об.

²⁹ Гончаров И. А. Необыкновенная история (Истинные события) / Вступит. ст., подгот. текста и коммент. Н. Ф. Будановой // Литературное наследство. М., 2000. Т. 102: И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования / Отв. ред. С. А. Макашин, Т. Г. Динесман. С. 213.

общечеловеческой значимости, восходящим к трагедии Шекспира „Король Лир“». ³⁰

Рассуждая о судьбе Анны, сыгравшей роковую роль в смерти отца и, по слухам, отравившей изменника-мужа, но оказавшейся образцовой хозяйкой и счастливой матерью, рассказчик в повести произносит знаменательные слова: «Насколько она заслуживала это счастье... это другой вопрос. Впрочем, подобные вопросы ставятся только в молодости. Всё на свете — и хорошее и дурное — дается человеку не по его заслугам, а вследствие каких-то еще неизвестных, но логических законов, на которые я даже указать не берусь, хоть иногда мне кажется, что я смутно чувствую их». ³¹

Остается лишь сожалеть, что факты, обнаруженные в орловском архиве Н. М. Черновым и Л. В. Миндыбаевой, не были учтены в комментариях к повести «Степной король Лир» во втором академическом издании Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева.

³⁰ Миндыбаева Л. В. Указ. соч. С. 34.

³¹ Тургенев. ПССиП(2). Соч. Т. 8. С. 225.